

Павел Фокин

филолог, историк литературы, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник филиала Государственного Литературного музея «Музей-квартира Ф.М. Достоевского» (Москва)

Эпистолярное наследие А.А. Зиновьева как биографический источник*

Эпистолярное наследие выдающегося русского мыслителя и писателя XX века Александра Александровича Зиновьева (1922 — 2006) ещё только предстоит выявить и собрать. По предварительным прикидкам оно должно быть значительным и содержать богатую информацию о личности и душевном складе этого замечательного представителя русского человека советской эпохи. В первую очередь это письма к родным и близким (часть из них, по всей видимости, утрачена), письма к друзьям и знакомым, и, отдельно — письма к читателям. Последняя категория писем — одна из самых сложных для собирания. Впрочем, по разным и вполне понятным причинам, письма Зиновьева к другим категориям адресатов тоже пока ещё остаются в их личных архивах. Если же говорить о публикациях, то их и вовсе считанные единицы.

В своё время Зиновьев определил свою социальную позицию как позицию «отщепенца». Социальным отщепенцем Зиновьев был по самой своей сути, поэтому стоял был особняком — как в СССР, так и на Западе. Во многом это определялось его глубоким сциентизмом, отношением к жизни, к обществу, к самому себе как к предмету научного изучения, предполагающего строгую объективность и беспристрастность, признание и отстаивание полученных в ходе исследования научных истин, каковы бы они ни были. Учитывая, что главный интерес Зиновьева в течение всей жизни был направлен на познание современного ему общества — сначала коммунистического, позже — западного и постсоветского, то будет понятно, почему Зиновьев всегда и везде оказывался в оппозиции. «Объективное познание социальных явлений есть вечное табу человечества». (Из письма М.Зальцбергу от 8 марта 1997). Та правда о подлинных механизмах жизни общества, которую выявлял Зиновьев в своих работах, неизбежно вступала в конфликт с той идеологической упаковкой

Александр Зиновьев на обложке французского журнала о литературе «Lire», Ноябрь 1978 года (первые месяцы вынужденной эмиграции).

* Выступление официального биографа А.А.Зиновьева Павла Евгеньевича Фокина на XIX Всероссийских Фединских чтениях - 2014 «XX век в зеркалах эпистолярия, дневников, мемуаров» (25–26 февраля 2014 года, Государственный музей К.А. Федина).

её, которая позволяла властям минимизировать социальную напряжённость и даже порой мобилизовать общество для решения своих задач. Точно также вступала она и в конфликт с идеологическими противниками власти, которых равно интересовала не истина, а возможности использования её в своих интересах. В результате оказалось, что в сталинские годы он был убеждённым антисталинистом, в хрущёвские — критиком Хрущёва, при Брежневе — Брежнева, в перестройку — выступил против Горбачева и Ельцина, в начале 2000-х стал оппонентом Путина.

«Я — механизм познания, и этим исчерпывается всё, — писал он своему американскому корреспонденту Марку Зальцбергу 10 апреля 1996. — И к Западу моё отношение такое же, как к советской и постсоветской системе в России. У меня нет никаких предпочтений». Действительно, в 1995 Зиновьев написал книгу «Запад», в которой дал научное социологическое описание западной цивилизации, далёкое от её апологетики и радикально отличающееся от того образа, который формируется идеологическими средствами западной пропаганды.

Его последняя, заветная книга «Фактор понимания», которую он завершил незадолго до смерти, обличает уже всё человечество. Её последние слова горьки, но, как всегда, мужественно беспристрастны: «Если в двух словах подвести итог эволюции человечества за прошедшую историю, он уложится в одну-единственную фразу: человечество как целое утратило смысл своего социального бытия. Оно убило сам фактор своего понимания. <...> Наиболее вероятный конец человечества — воинствующая глупость. Человечество погибнет от своей глупости» [1].

В цитированном выше письме к Зальцбергу от 10 апреля 1996 Зиновьев формулирует свою жизненную позицию так: «И вообще у меня отношение ко всему есть отношение абсолютного одиночки, можно сказать — человека как суверенного государства. Если бы был Рай я не принял бы и его. В мире вообще нет ничего, что я принял бы. Я не принимаю всё мироздание вообще. Так что единственное решение всех моих проблем — полное исчезновение».

И если, как говорилось ранее, письма выступают важнейшим источником для понимания личности их автора, то когда этот автор — социальный отщепенец, стоящий в оппозиции ко всему миру и держащий оборону, в том числе и информационную, ценность сведений, заключённых в его эпистолярном наследии, многократно возрастает.

В 2013 в Москве вышла книга «Александр Александрович Зиновьев: Опыт коллективного портрета. К 90-летию со дня рождения». В ней приняли участие более 80 авторов. Среди них живущий в Хьюстоне, США, инженер Марк Зальцберг. В его страстном эссе «Галилеев подвиг», он сообщает: «У меня хранятся 57 бесценных писем человека, который стал моим учителем, несмотря на то, что я всего на 12 лет его моложе». [2] (В этом году Зальцбергу исполняется 80 лет). О Зальцберге, и именно в связи с темой переписки с читателями, Зиновьев пишет в первой редакции своих мемуаров «Исповедь отщепенца» (в основной текст не вошло): «Существенную роль в моей жизни на Западе играли письма моих читателей. Я получал их в большом количестве со всех концов света. Это была моральная поддержка, значение которой трудно переоценить. В письмах читатели высказывали то, что обычно не решаются высказывать публично критики.

#27

Дорогой Марк,
те люди, о которых Вы упоминаете в последнем письме, так или иначе (1) суть диссидентами в отношении социальных явлений и (2) принадлежали к правящим слоям общества, тем самым на них, что испытывали какие-то неустойчивости. Ведь и король, и герцог, и князь, и т.п., которых убивали, швыряли, сажали в тюрьмы, разоружали и т.д., не превращались тем самым в представителей иных слоев населения. Моя позиция уникальна в том смысле, что я не принадлежал и не принадлежу ни к каким слоям, группам, партиям. Я — «суверенное государство», т.е. нечто вроде империатника, участвовавшего «геноцида» для отчета своим неведомым (и не считающимся) соплеменникам

Письмо А.А.Зиновьева Марку Зальцбергу от 8 марта 1997 г. Копия. Оригинал хранится в личном архиве Марка Зальцберга (США).

С некоторыми из моих адресатов я переписывался регулярно. Это, например, М.Аверичев, И.Бродецкий, К.Клаузен, М.Зальцберг. Письма последнего мне оказались особенно близкими. Мы подружились через письма. А когда в 1987 году я был с лекциями в США, то полетел специально в Хьюстон на встречу с Марком. Несколько дней мы провели вместе. Я был счастлив эти дни. Такого умного собеседника судьба посылает не часто». [3]

Получив у редактора сборника О.Г.Назарова электронный адрес Зальцберга, я обратился к нему с просьбой предоставить возможность ознакомиться с упомянутыми письмами Зиновьева в связи с работой над его биографией. Вскоре я получил самый сердечный отклик, у нас завязалась переписка, которая сама по себе стала очень ценным и содержательным источником информации. Спустя некоторое время, ксерокопии писем Зиновьева Зальцбергу оказались в моё распоряжении. С его любезного разрешения я могу представить здесь их краткий обзор.

Первое письмо Зиновьева датировано 30 апреля 1985. Оно короткое, но очень характерное для Зиновьева, отражающее структуру его мысли и темперамент: «Уважаемый Марк Зальцберг! Извините, что не употребляю в обращении к Вам слово “господин”. Седьмой год живу на Западе, а к такому обращению привыкнуть не могу. “Херр”, “мистер”, “сеньор” или “мсье”, — это звучит нормально. Но “господин” звучит фальшиво. А слово “товарищ” мы перестали употреблять в наших неофициальных кругах, как Вы знаете,

В общем-то, в мире просто нет
 научного в строгом смысле слова
 понимания человеческого общества
 и человека. Есть дилемантизм,
 объективизм, идеология. А эти
 понятия ведут к научному по-
 ниманию. А оно нужно всем и
 доступно всем, да только
 исключением. Люди, включая самых
 выдающихся гениев, суть creature
 в сфере социальных явлений. Это
 исключение. Их можно пересчитать
 на пальцах. И они как правило
 порицаются. Так что все, о чем
 вы пишете, есть норма бытия,
 а не исключение. И тут уж ничего
 не поделаешь. Объективное изучение
 социального явления есть верное
 табу человечества.
 Привет Вам от всего нашего семейства.
 Привет всем Вашим близким
 23.97 А. Зиновьев

Письмо А.А.Зиновьева Марку Зальцбергу от 8 марта
 1997 г. Копия. Оригинал хранится в личном архиве
 Марка Зальцберга (США).

давным-давно. Я так много пишу Вам об этом обра-
 щении, поскольку оно есть существенная часть нашей
 драматической судьбы. Спасибо Вам за Ваше очень
 доброе письмо. Я его обязательно сохраняю. Мне здесь
 от своих бывших соотечественников чаще приходится
 выслушивать и читать всякого рода пакости, чем слова
 одобрения. Это тоже характерно: советский человек
 остаётся таковым навечно. И пропорции добра и зла
 тут остаются теми же, что и в Москве. Желаю вам всего
 наилучшего. Искренне Ваш, А.Зиновьев».

Последние письма отправлены незадолго до воз-
 вращения Зиновьева в Россию. Переписка Зиновьева с
 Зальцбергом не была очень интенсивной, временами
 прерывалась на длительный срок. Это объясняется в
 первую очередь тем, что после того, как между ними
 установились дружеские отношения, они часто обща-
 лись по телефону. Зальцберг называет цифру телефон-
 ных разговоров: «не менее 500 при самом грубом
 подсчёте» [4]. Дважды Зальцберг гостил у Зиновьева в
 Мюнхене. О визите Зиновьева в Хьюстон говорилось
 выше.

Письма Зиновьева Зальцбергу исключительно
 ценны с точки зрения исследования творческой био-
 графии писателя. В них содержатся многочисленные
 сведения по истории создания и издания целого ряда
 его книг, позволяющих установить точную датировку
 их написания и особенности авторского замысла. Так,
 в письме от 15 января 1987 Зиновьев сообщает: «<...>
 Ещё четыре года назад я написал большую книгу, ко-
 торую по условиям публикации (выгодным издате-

лям, а не авторам) её пришлось разбить на 4 малень-
 кие книжечки. Две из них уже вышли: это — “Иди на
 Голгофу” и “Евангелие для Ивана”. Третья тоже уже
 вышла по-русски. Называется она “Пара беллум”. <...>
 Четвёртая часть этой большой книги будет напеча-
 тана не раньше, чем через год. Это очень плохо — раз-
 бивать книгу на части. Пропадает эффект целого».

Те, кто читал «Зияющие высоты», «В преддверии
 рая», «Жёлтый дом», «Нашей юности полёт» знают
 композиционную особенность произведений Зиновье-
 ва. Он соединяет в одном тексте несколько самостоя-
 тельных, иногда не связанных друг с другом, сюжетов,
 перемежая главы из них в определённом ритме (как у
 М.Булгакова в «Мастере и Маргарите» чередуются мос-
 ковские и ершалаимские главы, визит Воланда и ис-
 тория Мастера). Книги «Иди на Голгофу», «Евангелие
 для Ивана», «Пара беллум» и четвёртая, не названная
 здесь книга «Живи», напротив, отличаются единством
 и целостностью сюжета. И если бы не это письмо,
 можно было бы предположить, что Зиновьев со вре-
 менем сменил тип нарратива, исходя из неких худо-
 жественных соображений. Но вот оказывается, что
 причиной всему — издательское предложение. Изда-
 теля понять можно: выгоднее издать и продать четыре
 небольшие (впрочем, достаточно объёмные) книги
 вместо одной огромной, и автор вынужден идти на
 уступки, жертвуя своим замыслом. Впрочем, кто из
 них больше прав — судить трудно. Названные книги
 — одни из лучших в наследии Зиновьева, и, возможно,
 пожелание издателя, Владимира Дмитриевича, цело-
 века высокой гуманитарной культуры и первоклас-
 сного литературного вкуса, также сыграло в том свою
 роль.

Роман «Иди на Голгофу» опубликован в 1983, по-
 весть в стихах «Евангелие для Ивана» вышла отдель-
 ным изданием в 1984, повесть «Пара беллум» — в 1986,
 «Живи» — в 1989. Из письма Зальцбергу от 20 августа
 1988 узнаём, что все они были задуманы и написаны
 примерно в одно время — в 1982 году и представляют
 собой части романа «Искушение», который в итоге как
 целое не состоялся. Из этого же письма узнаём о прак-
 тике Зиновьева одновременно работать над несколь-
 кими сочинениями: «Сейчас день и ночь сижу над
 книгой, которую делаю исключительно ради средств
 существования. (имеется виду «Исповедь отщепенца»,
 написанная по заказу издательства — П.Ф.) Но я люблю
 работу как таковую и работаю с увлечением. Это пре-
 дохраняет от переживаний по поводу мирового без-
 умия. Кстати, в “Континенте” в конце года появится
 большой отрывок из моего ещё не оконченного ро-
 мана “Катастрожка”. Это сатирическое описание пе-
 рестройки в русском городе Партград. Когда закончу
 роман полностью и где напечатаю, не знаю. Сейчас
 такая тема, да к тому же в моём исполнении, мало
 кого привлекает».

Письма Зиновьева Зальцбергу наряду с фактами
 биографии писателя всегда содержат ёмкие характе-
 ристики текущего исторического момента. На удив-
 ление многих непримиримый критик коммунизма
 Зиновьев перестройку воспринял в штыки, и в отли-
 чие от большинства диссидентов и советологов, обру-
 шился на Горбачёва и его команду с яростной
 критикой. Перестройку с самого её начала Зиновьев
 определил как идеологическую, пропагандистскую
 акцию Кремля. «На самом деле, — писал он в одной
 из своих статей, вошедших впоследствии в книгу
 «Горбачевизм», — задача нового советского руковод-

ства — добиться того, чтобы Советский Союз выглядел не так безобразно в сравнении с Западом, как он выглядит сейчас, укрепить советское общество во всех отношениях (и в военном в первую очередь), чтобы усилить его позиции в конкуренции с Западом и в противостоянии Западу» [5]. Цели перестройки, считал Зиновьев, сугубо аппаратно-бюрократические и потому они — антинародны. Он писал: «Коммунистический социальный строй способен на многое. Но те достижения, на которые он способен, дорого обходятся населению страны. И советские люди испытывают это на себе вот уже семьдесят лет. Так что было бы наивно рассчитывать на то, что за горбачёвскую перестройку советским людям не придётся расплачиваться» [6]. Личность Горбачёва Зиновьев оценивал невысоко, считая его тщеславным, лицемерным и неумным человеком. Культ Горбачёва на Западе вызывал глубокое разочарование в здравомыслии мирового сообщества.

Для Зиновьева-мыслителя проходящие изменения — постоянный предмет интеллектуального переживания, они вызывают в нём глубокий эмоциональный отклик, который в письмах, благодаря частному характеру высказывания, часто облекается в экспрессивную форму: «Сейчас я пишу много статей о горбачевизме и о настроениях, порождённых им. — сообщает он 15 января 1987. — И как обычно, моё мнение вступает в конфликт с идиотизмом, охватившим планету». «Обстановка в Европе сейчас противная. И нет надежды, что она улучшится, — пишет он 2 апреля 1988 в связи всё нарастающей эйфорией Запада по отношению к перестройке. — Западные интеллектуалы, политики и журналисты окончательно отпихнули нас и сами теперь судят обо всём без страха быть осмеянными. Снова процветает идиотизм, причём — он с каждым днём становится всё более идиотским. Люди ведут себя к тому же как последние подлецы. На этом фоне даже советская мерзость выглядит гораздо пристойнее. Мне приходится писать и говорить на темы, от которых меня мутит. Причём, делать это в общем и целом впустую. И общаться приходится с людьми, от которых мутит ещё больше. Происходит какое-то измельчание всего и всех, и я в этой трясине пошлости, серости, глупости, пустозвонства и т.п. не нахожу себе места. Плюс ко всему — люди здесь так же ненадёжны, как и в России. Похоже, что чрезмерно затянувшийся мир хуже войны».

Особенно удручает Зиновьева превращение «Перестройки» в мелкий бизнес для советских и западных интеллектуалов, которые вместо того, чтобы осмысливать с научных позиций идущие в СССР реформы, последствия которых неизменно скажутся на жизни всей планеты и повлияют на ход земной цивилизации, спешат урвать для себя различные блага — доходные места, гонорары, награды, поездки. 20 августа 1988 Зиновьев с раздражением отмечает: «Советские власти ведут чрезвычайно успешную линию на деморализацию “творческой” части эмиграции. Действуют грубо и цинично, но именно это действует. Сулят, заманивают. Меня это, конечно, не касается. Я там фигурирую как “антисоветчик”. Смотреть, как реагирует на это бывшая диссидентская среда, омерзительно. Да и западные “специалисты» по Советскому Союзу ведут себя не лучше. Мир стал интеллектуальной и моральной помойкой». 8 ноября того же года: «<...> жизнь сейчас становится всё более гнусной. Эпоха ничтожных событий и ничтожных людей, раздуваемых сверх вся-

«Объективное познание социальных явлений есть вечное табу человечества», — А. Зиновьев

кой меры. Измельчание всего человеческого просто поразительное. Я сейчас стараюсь всячески отдалиться и отделиться от всего происходящего». 3 августа 1989: «Всё происходящее в мире можно назвать одним словом: “пошлость”. Поразительное явление; чем грандиознее по размерам человечество и успехи техники, тем мизернее люди и события в качественном отношении. Скучно. И противно. И нет никаких просветов впереди. И самое ужасное — ничего принципиально неожиданного, никакой тайны. Я не думаю, что это у меня — возрастное. Нечто подобное я наблюдаю у всех, с кем мне приходится сталкиваться».

Жёсткость позиции Зиновьева вызывает встречную реакцию отторжения. Подводя итоги уходящего года, в письме от 23 декабря 1989 он сообщает: «Мир сходит с ума, сходит охотно и опасно. Предпринимать что-либо бессмысленно, всё равно никто не слушает и не верит. Давно не было войны. Инстинктивно все жаждут её и, вместе с тем, боятся. Я работаю, как всегда. Надо же на жизнь как-то зарабатывать. А в нынешней ситуации это становится всё труднее и труднее. Я считаю самым махровым реакционером. А петь в общем хоре сумасшедших, подонков, прохвостов, жуликов, стяжателей, глупцов и прочих нормальных представителей рода человеческого я не хочу. Это не соответствует моим принципам. В России никто не хочет пальцем шевельнуть в мою пользу. Наоборот, панически боятся, что я как-то прорвусь туда и обнаружу своё существование. Гнусная страна, гнусные люди! Лгут и лицемерят все без исключения. Я никогда так остро не ощущал свою ненужность в России, как теперь. На Западе тоже. Я бы с удовольствием ушёл куда-нибудь в глушь лет на пять, чтобы спокойно поработать над итоговой книгой своей жизни. Но, увы, никакой возможности для этого не вижу».

И всё же — капля камень точит. 11 апреля 1990 Зиновьев пишет: «Мир сошёл с ума. И устоять против этого можно лишь одним путём, а именно — превращаясь в глазах окружающих в чудака или... сумасшедшего. Я иду своим путём, наплевав на всё. И самое поразительное — это приносит какой-то успех. Здесь в Европе (во Франции и Италии) начался такой бум с моими идеями и книгами, какого не было давно. В считанные дни стал бестселлером сатирический роман «Катастрофка». Мои книги стали издавать в Югославии, Венгрии, Эстонии. Даже в Болгарии хотят перевести «Зияющие высоты». — И всё же ощущение глубокого разочарования не оставляет писателя. Он продолжает: — Меня, честно говоря, это уже не волнует. Вы знаете, как я отношусь ко всему и ко всем: с презрением и насмешкой. И к реформаторам, и к консерваторам. И к прогрессивным, и к реакционным. И к умным, и к дуракам. Как сказал один из моих персонажей, всё это — копошение червей в солдатском нужнике. Я мечтаю об одном: пожить несколько лет беззаботно и бездумно. Но, увы! Ничего подобного

Письма Зиновьева исключительно ценны с точки зрения исследования творческой биографии писателя

не дождёшься. Надо зарабатывать на жизнь».

Ощущение отщепенства усугубилось после первых публикаций и поездок в СССР, где он встретил полное непонимание своих идей и зависть. «В России напечатать малым тиражом «Гомо советикуса». — Письмо от 16 февраля 1991. — Но вообще там не торопят меня печатать ни «правые», ни «левые». Я не подхожу ни тем, ни другим. Меня это не волнует, так как я для себя давно решил, что Советский Союз есть страна глупцов и подлецов, и что рассчитывать там на понимание и тем более на признание бессмысленно».

Год спустя, 5 февраля 1992: «В России меня бойкотируют ещё хуже, чем при Брежневе. Тогда мои книги нелегально широко распространялись. А теперь там делают вид, будто меня печатают, но фактически это обман. Беззастенчиво воруют, и никто не вступает в мою защиту. Я для себя решил, что Россия — страна кретин, подлецов и предателей, и не появлюсь там даже на минуту. Пусть они все там пропадут пропадом!»

Ещё через год, 23 марта 1993: «Жизнь приняла такое направление, что все обычные оценки потеряли всякий смысл. Весь мой жизненный путь — в основном серия потерь. Теперь в заключение выяснилось, что нет ни народа, для которого я мог бы быть своим и который мог бы для меня быть моим, ни страны, где мне хотелось бы закончить жизнь. Как сказал один из моих литературных героев, «Я — одинокий, в западню попавший волк». <...> Меня как «красно-коричневого» бойкотируют как на Западе, так и в России. Там к власти пришли герои «зияющих высот». Мне там места нет. А для впавшего в исторический идиотизм Запада мои взгляды — как взгляды Коперника и Джордано Бруно для католической церкви в своё время».

Вернувшись из Москвы, 4 августа 1993, с печалью и гневом делится впечатлениями: «Я был в Москве неделю. Положение там хуже, чем я предполагал. Главное — обнаружилось, что наш народ есть сборище дураков, завистников, пошляков, трусов, предателей, мещан и т.п. и т.д.»

Политическая вакханалия, деградация экономики, криминальный беспредел и нравственное падение масс населения, которые наблюдает в эти годы Зиновьев в ельцинской России побуждают его к самым негативным прогнозам в отношении судеб страны и мира, так и собственной. 8 февраля 1995 он пишет своему заокеанскому корреспонденту: «Очень многие понимают, что в России никогда не будет демократии западного типа, и что внедрение её губительно для России. Именно поэтому и внедряют её там».

Все восклицают: что будет с Россией?! И Вы тоже, хотя считаете себя моим учеником. То, что будет с Россией, уже случилось, уже есть: её уже убили общими усилиями как врагов, так и самих русских. Особенно русских. И их собственными руками. Конечно, на этом

месте что-то есть и будет. И название «Россия» сохранится. И видимость единства. А на самом деле тут уже есть зона колонизации для всех, кому не лень, в основном — для немцев, американцев, японцев, китайцев, азербайджанцев, чеченцев, арабов и т.п. А русские вымрут. А со временем и западные люди вымрут.

Одним словом, скучно. Просто скучно. Мир охвачен эпидемией глупости, бездарности, пошлости. Похоже, что западная цивилизация идёт к краху. Крах России — начало этого. Для нас сейчас главная проблема — как выжить. Мои книги не печатают, а напечатанные бойкотируют. <...> В Германии жизнь становится всё хуже и хуже. А уехать практически невозможно. Да и некуда. В Россию не хочу — она мне чужая, а я там неприемлем в принципе».

В январе 1987 Зиновьев писал Зальцбергу: «Люди упорно не хотят слушать правду, когда она актуальна. Они признают её постфактум, когда она теряет смысл, причём — признают, чтобы помешать новой актуальной правде». Прошло 12 лет, прежде, чем в России стали понимать правду, которую говорил Зиновьев. Появилась достаточная масса людей, которым актуальное слово Зиновьева стало необходимо как хлеб. Российская пресса — от либеральной «Независимой газеты» до радикальной «Лимонки» — начала охотно печатать его статьи и интервью. Ситуация в стране поменялась и Зиновьев вернулся родину, чтобы не дать «помешать новой актуальной правде».

Сообщая Зальцбергу о принятом решении вернуться в Россию, жена Зиновьева Ольга Миронова писала ему 6 ноября 1998: «Как 20 лет тому назад, практические обстоятельства вынуждают нас на новый шаг, на новую жизнь. Александр Александрович не может иначе: это типично его реакция и типично для него — приходить на помощь в самое неблагоприятное и сложное время. Он не может иначе, когда его ждут, когда последняя надежда (как думают те, кто его зовёт на помощь) на спасение смыкается на нём. Таков он был всегда — до войны, во время её и после — до сегодняшнего дня».

Дается в сокращенном варианте. Полный вариант статьи можно прочитать по адресу:
<http://zinoviev.info/wps/archives/564>

1. Зиновьев А.А. Фактор понимания. — М.: Алгоритм, Эксмо, 2006. — С. 521.
2. Зальцберг Марк. Галилеев подвиг // Александр Александрович Зиновьев: Опыт коллективного портрета. — М.: Канон +, 2013. — С. 75.
3. Forschungsstelle Osteuropa an der Universität Bremen. Институт Восточной Европы при Бременском Университете. Ф. 108.
4. Зальцберг Марк. Указ. соч. С. 75.
5. Зиновьев А.А. Горбачевизм. — NY: Liberty Publishing House, 1988. — Р. 40.
6. Там же. Р. 126.